30.11.2020 20:13:00

Суды играют на мизере

Компенсация морального вреда не может рассматриваться как обогащение

Екатерина Трифонова
Корреспондент отдела политики "Независимой газеты"

Тэги: суды, компенсация, моральный вредэ. вс, еспч

Европейский суд по правам человека остается чуть ли не единственной реальной инстанцией, где россиянин может добиться увеличения сумм компенсаций. Фото Reuters

Верховный суд (ВС) отменил решение нижестоящих инстанций о выплате 300 руб. за длительное содержание подозреваемого в одиночной камере. Это уже не первый акт, касающийся несогласия ВС со слишком низким размером компенсации. Однако ситуация не меняется – служители Фемиды продолжают назначать такие компенсации, которые не просто не восстанавливают потерпевших в правах, а, скорее даже наоборот, еще больше унижают их достоинство.

ВС опубликовал Определение, в котором отменил решение нижестоящих инстанций о присуждении подследственному Михаилу Мосягину компенсацию – 300 руб. за четыре месяца безосновательного содержания в одиночной камере. В вышестоящей инстанции в очередной раз напомнили, что назначаемые суммы должны быть «адекватными и реальными», а главное – приближенными к международным стандартам. При этом Совет Европы неоднократно запрещал продолжительное нахождение человека в одиночке, приравнивание этой меры наказания к пыткам и бесчеловечному обращению. Как правило, присуждая по таким жалобам около 10–15 тыс. евро.

Сам же Мосягин просил выплатить ему 500 тыс. руб., утверждая, что длительная изоляция подорвала его здоровье и психическое состояние. Однако в решении суда первой инстанции говорится, что сумма назначалась исходя из «принципов разумности и справедливости», чтобы «максимально возместить причиненный моральный вред», но при этом не допустить неосновательного обогащения потерпевшего. Между тем ВС указал, что «компенсация морального вреда не является возмещением материальных потерь, следовательно, не может рассматриваться как обогащение».

ВС и до этого неоднократно критиковал мизерные выплаты за страдания, перенесенные гражданами, и требовал от судов мотивировать снижение изначально заявленных сумм. Как отметил в беседе с «НГ» управляющий партнер компании AVG Legal Алексей Гавришев, несмотря на это, суды продолжают назначать компенсации, «исходя из соображений экономии, а не здравого смысла». А такие «унизительные» суммы присуждаются намеренно, чтобы отбить дальнейшее желание у пострадавших подавать в суды подобные иски. Даже в случае их пересмотра «говорить о многократном увеличении первичной суммы не приходится», говорит собеседник «НГ». Вот и в конкретном случае, считает он, истец теперь может рассчитывать не более чем на несколько тысяч рублей.

Как отметил в беседе с «НГ» руководитель уголовной практики «BMS Law Firm» Александра Иноядова, «требования разумности и справедливости, которыми, по идее, должны руководствоваться люди в мантиях, не имеют четко определенных критериев оценки». То есть ключевым тут остается лишь субъективное усмотрение судьи. Эксперт также указал, что, несмотря на неоднократные отсылки ВС к позициям Европейского суда, отечественная судебная практика «абсолютно не соответствует европейским стандартам». И суммы, присуждаемые национальными судами, в десятки раз меньше тех, что получают заявители в Страстбурге.

Между тем председатель правового центра защиты «Дело жизни» Иван Соловьев считает, что присуждаемые суммы зависят еще и от статуса истцов. Дескать, тем, кого система считает преступниками, даже при доказанном нарушении их прав государство предпочитает все же не платить. По убеждению судей, говорит Соловьев, «их положение должно отличаться от положения обычных законопослушных граждан». А значит, и компенсации должны быть скорее формальными и символическими. «Такова позиция государственников, которым претит присуждать бюджетные деньги лицам, совершившим преступления», – подчеркивает эксперт.

Отсутствие прямых и конкретных указаний ВС относительно размера компенсаций «не позволяет говорить о какой-либо логике при установлении размера компенсаций, присуждаемых судами, – подчеркнул в беседе с «НГ» член Ассоциации юристов России Дмитрий Уваров. – Введение тарифных схем, определение цифровых ориентиров позволит реализовать основную функцию института морального вреда – компенсировать нравственные страдания справедливой выплатой».

Другая представительница АЮР Мария Спиридонова подтвердила, что «при определении размера компенсации у судов возникают значительные проблемы, связанные в первую очередь с тем, что сама категория морального вреда является оценочной». Потому в каждом случае суммы компенсации могут разительно отличаться. Она привела в пример Пермский краевой суд, который взыскал с Минфина в пользу подозреваемого, который провел под стражей почти 14 месяцев, компенсацию в размере 1,4 млн руб. (то есть около 3,3 тыс. за день). В то же время Замоскворецкий суд Москвы взыскал в пользу реабилитированного всего 10 тыс. руб. за полтора года в СИЗО.

Эксперт отметила, что еще в 2018 году ВС присудил в пользу оправданного по уголовному делу 2,3 млн руб. – из расчета 2 тыс. руб. за день содержания под стражей. «Эту сумму можно считать ориентиром при заявлении соответствующих исковых требований», чего на практике не происходит. Более того, суды первой и второй инстанций, снижая размер компенсации в десятки раз, только перечисляют соответствующие нормы гражданского законодательства и никак не мотивируют свои выводы, – заметила Спиридонова. – Вместе с тем еще в прошлом году в Госдуму вносился проект, предлагающий установить фиксированный тариф: 15 тыс. руб. за день незаконного заключения под стражу, но он получил отрицательное заключение правительства и оказался в архиве».

Как отметила в беседе с «НГ» адвокат КА Pen & Paper Александра Харина, «к сожалению, суды, вплоть до кассационных инстанций, считают адекватными компенсации в размере менее 500 руб. за один день незаконного лишения свободы и менее 50 руб. – за день незаконного уголовного преследования».

Сама эксперт объясняет это негласным курсом на экономию госбюджета: «На бумаге», разумеется, такого указания нет, однако на практике сложно найти судебный процесс, где бы прокурор ни настаивал на значительном уменьшении размера компенсации».

Вторая причина, по ее словам, – «та самая порочная практика». Дескать, районные суды ориентируются не на столь абстрактные решения ВС, призывающие учитывать принципы разумности и справедливости, а на судебную практику, устоявшуюся в конкретном регионе. При этом сам ВС в своих решениях крайне редко указывает конкретные суммы, ограничиваясь лишь общей констатацией незаконности актов нижестоящих судов.

Харина также посетовала, что на практике суды апелляционных инстанций обычно практически не изменяют размер присужденных выплат. Реальные шансы добиться достойной суммы появляются лишь в кассационных инстанциях, в том числе при рассмотрении дел ВС. Допустим, в 2018 году по иску Алексея Золотарева ВС увеличил размер компенсации за незаконное содержание лица под

стражей со 150 тыс. до 2 млн 366 тыс. руб. (то есть с 132 до 2 тыс. руб. за сутки). Но это скорее исключение из правил. Обычно многие заявители отказываются от идеи продолжать судиться за реальные суммы. «Реально эффективными инстанциями для увеличения сумм компенсаций являются только Верховный суд и ЕСПЧ. Но чтобы добиться рассмотрения дела в данных судах, заявителю может понадобиться до нескольких лет. На такую череду судебных процессов далеко не каждый имеет время и средства», – говорит Александра Харина.

Закон не содержит никаких ориентиров для взысканий, подтверждает адвокат Ирина Фаст. «Все, что есть у судов, – это внутреннее убеждение, свобода судейского усмотрения и практика ЕСПЧ, на которую они должны ориентироваться. ВС неоднократно высказывал свою позицию по конкретным судебным делам о недопустимости произвольного снижения компенсаций за моральный ущерб, о необходимости подробно мотивировать такие снижения. Но ситуация пока не меняется», – отмечает эксперт. Поскольку формально даже позиция ВС по аналогичным делам не является обязательной, право у нас непрецедентное. Верховный суд сильно связан тем, что не может давать конкретные указания по размеру таких компенсаций.

Вместе с тем Фаст подтвердила, что при повторном рассмотрении дел суммы присуждаются выше, конечно, но они все равно на порядок ниже тех цифр, которые обычно взыскивает ЕСПЧ по подобным делам. Процедура взыскания не самая простая, человеку приходится привлекать профессионального адвоката и доказывать свое право на компенсацию, обосновывать ее размер. Многие отказываются от этой идеи, потому что в итоге можно потратить кучу нервов и времени, а взыщут 10 тыс. руб., например. Ситуация эта, по мнению Фаст, может быть решена двумя способами – согласованностью всех звеньев судебной системы о надлежащем размере компенсации либо законодательным закреплением методики расчета, основанной на практике того же ЕСПЧ. Но для этого нужна только политическая воля.